

УДК 141.31:111(476)(430)(091)

ПОЛОЦКАЯ НЕОСХОЛАСТИКА vs И. КАНТ

А. И. КЛИМОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220016, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Осуществлена историко-философская реконструкция рецепции творческого наследия И. Канта в работах представителей Полоцкой иезуитской академии Дж. Анджелини и В. Бучинского. Раскрыты основные причины обращения этих авторов к кантовской философии. Проанализировано, каким образом совершалась попытка «прочитать» ее на философских курсах упомянутой академии. Акцент сделан на логическом и метафизическом аспектах, в рамках которых Дж. Анджелини и В. Бучинский наиболее часто критиковали идеи трансцендентального идеализма. Выделены программные установки схоластической философии, позволившие рассматриваемым авторам попытаться преодолеть трудности философии И. Канта. Определены место и роль осуществленной полоцкими мыслителями и теологами рецепции кантовских идей в философских процессах историко-культурного пространства Беларуси XIX в.

Ключевые слова: И. Кант; Полоцкая иезуитская академия; трансцендентальный идеализм; схоластическая философия; метафизика; полоцкая неосхоластика; Дж. Анджелини; В. Бучинский.

POLOTSK NEO-SCHOLASTICISM vs I. KANT

A. I. KLIMOVICH^a

^aBelarusian State Medical University, 83 Dzierzhynskaya Avenue, Minsk 220016, Belarus

Abstract. The article carries out historical and philosophical reconstruction of I. Kant's creative heritage reception in the works written by the Polotsk Jesuit Academy representatives J. Angiolini and W. Buczyński. There are revealed the main reasons for this authors to appeal to Kantian philosophy. It is also analysed, in which way the attempt to «read» Kantian philosophy in the philosophical courses of the mentioned academy was made. The emphasis is on the logical and metaphysical aspects, within the framework of which J. Angiolini and W. Buczyński most often criticised the ideas of transcendental idealism. The programme guidelines of scholastic philosophy are highlighted, which allowed the authors under consideration to try to overcome the difficulties of I. Kant's philosophy. The scholastic philosophy programmatic guidelines, allowed the authors to try to overcome the difficulties of philosophy of I. Kant, are highlighted. It is also determined the place and role of the Kantian ideas reception, made by Polotsk philosophers and theologians, in the philosophical processes of the historical and cultural space of Belarus in the 19th century.

Keywords: I. Kant; Polotsk Jesuit Academy; transcendental idealism; scholastic philosophy; metaphysics; Polotsk neo-scholasticism; J. Angiolini; W. Buczyński.

Образец цитирования:

Климович АИ. Полоцкая неосхоластика vs И. Кант. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;2:20–27.
EDN: IBUXDM

For citation:

Klimovich AI. Polotsk neo-scholasticism vs I. Kant. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2024;2:20–27. Russian.
EDN: IBUXDM

Автор:

Анна Игоревна Климович – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры патологической анатомии и судебной медицины педиатрического факультета.

Author:

Anna I. Klimovich, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of pathological anatomy and forensic medicine, pediatric faculty.
3117135@gmail.com

Введение

Полоцкая неосхоластика представляет собой переходный тип философии, который по этой причине вынужден отвечать на многочисленные интеллектуальные вызовы, заметно влияющие на его развитие. Отдельно в данном контексте следует отметить творчество И. Канта, инспирировавшее философские поиски представителей Полоцкой иезуитской академии.

Проблема рецепции творческого наследия И. Канта в работах полоцких академиков, несмотря на на-

личие исследований¹ [1; 2], посвященных этой тематике, по-прежнему остается «лакуной» в истории философской и социально-политической мысли Беларуси и требует дальнейших научных изысканий для определения ее места и роли в историко-культурном пространстве страны начала XIX в. Таким образом, цель настоящей статьи – реконструкция специфики рецепции идей И. Канта в творчестве представителей полоцкой неосхоластики.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования рецепции творческого наследия И. Канта выступили философские труды представителей Полоцкой иезуитской академии

Дж. Анджелини [3] и В. Бучинского [4–7]. В работе применялись метод контент-анализа, историко-логический метод, а также системный подход.

Результаты и их обсуждение

Творческое наследие философского сообщества Полоцкой иезуитской академии достаточно многочисленно, проблемное поле его научных и философских поисков предельно широко, но вопросы рецепции идей трансцендентального идеализма затрагиваются в основном в упомянутых работах Дж. Анджелини и В. Бучинского. Также идеи И. Канта стали предметом философских диспутов в академии, традиционно проводимых студентами каждый месяц [8].

В связи с рядом политических и интеллектуальных событий, сформировавших историко-культурное пространство Полоцка в конце XVIII – первой половине XIX в., можно говорить о наличии в его границах специфической традиции полоцкой неосхоластики. Она была фундирована классическим принципом аристотелевского томизма (принцип гармонии веры и разума). Этой традиции был присущ апологетический характер трактовки самой философии при сохранении ею статуса автономии. Перед представителями неосхоластики стояла достаточно трудная задача – выработка определенного механизма адаптации идей современных философских учений. В связи с этим одной из центральных тем рефлексии стало осмысление творческого наследия И. Канта. Полоцким схоластам было необходимо произвести ревизию философской системы немецкого мыслителя по нескольким причинам. В первую очередь болезненным для них стало решение И. Канта лишить метафизику статуса науки, поскольку в схоластической традиции эта область была центральной. Затем начал зарождаться скептицизм, в котором упрекали И. Канта представители академии, когда рассматривали его идеи. Представители полоцкой неосхоластики также не могли согласиться с такой позицией, поскольку она противоречила

основополагающему принципу гносеологии схоластической традиции – убежденности в познаваемости окружающего мира.

В исследовании программных установок философии И. Канта Дж. Анджелини и В. Бучинским имеется ряд общих положений, обусловленных характерными чертами схоластической философии. Авторы заняли апологетическую позицию по отношению к схоластической метафизике, выражая несогласие с доктриной И. Канта в вопросе рассмотрения категории трансцендентального, и выступили против кантовской критики идей шотландской школы здравого смысла. И Дж. Анджелини, и В. Бучинский относили И. Канта к представителям скептицизма. Оба автора также использовали в своих работах идеи известного (особенно в кругах иезуитов) немецкого философа и теолога Я. Цаллингера, обращавшегося к идеям И. Канта и являвшегося его ярким противником. Однако Дж. Анджелини свойственны проявление эмоциональности, использование риторических средств воздействия на читателя. В. Бучинский для низвержения идей И. Канта выбрал философский путь, идя по восходящей линии от логики к метафизике.

В первую очередь внимание Дж. Анджелини привлекло прочтение И. Кантом многих трансцендентальных категорий схоластической метафизики как иллюзорных заблуждений разума [3, р. 8]. Данный факт обусловил то, что Дж. Анджелини отнес И. Канта к представителям крайнего атеизма. Такой же позиции полоцкий академик придерживался при рассмотрении обратимых понятий [3, р. 20]. Следует отметить, что смысл понятия «трансцендентальное» у И. Канта и Дж. Анджелини отличается [2, с. 118].

Основная стратегия критики Дж. Анджелини программных установок философии И. Канта заключается в поиске у немецкого мыслителя логических

¹Шалькевич В. Ф. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. Минск, 1993. 66 с.

ошибок. Рассматривая вопрос построения силлогизма, он упрекал И. Канта в принятии за абсолютное основание косвенного [3, р. 61]. Еще одно логическое заблуждение, которое, по мнению полоцкого академика, присуще И. Канту, – это иллюзия трансгрессии. Под ней Дж. Анджолини понимал распространение частных выводов на общие положения [4, р. 60–61]. Непонятными для полоцкого философа были пустые аналитические формы, которые, согласно Дж. Анджолини, не могут существовать самостоятельно [3, р. 104]. Профессор академии выдвинул и другие возражения, но наиболее полно учение И. Канта он раскритиковал при рассмотрении вопроса математических истин как априорных синтетических суждений, а также проблемы определения общего чувства (называемого также здравым рассудком или смыслом), которое служит основанием для сознательно-го и логичного выбора.

Критика философии математики И. Канта в творчестве Дж. Анджолини – один из немногочисленных случаев, когда автор осуществляет именно философский анализ идей И. Канта в рамках характерных для своего мировоззрения программных установок схоластической традиции. Дж. Анджолини выбрал в качестве объекта критики математические истины неслучайно: помимо должности профессора философии в Полоцкой иезуитской академии, он занимал должность профессора математики [9, с. 162]. Следует принять во внимание, что сама математика, как и остальные учебные дисциплины, изучалась через призму теологических установок, связанных с рациональными путями постижения Бога [10, с. 210].

И. Кант определял математику и естествознание как науки, имеющие возможность работать с априорным знанием, и одновременно отрицал наличие этой черты у метафизики. Осуществление доказательства о неверности трактовки математических истин в творчестве немецкого философа означало бы косвенно и возможность «реабилитации» метафизики, чем и попытался воспользоваться в читаемом философском курсе Дж. Анджолини. В центре критики Дж. Анджолини философии математики И. Канта стоит вопрос соотношения чувственных и рациональных истин. Для полоцкого академика истины математики носят рациональный характер, о чем свидетельствует следующее его утверждение: «Ибо цифры, числа, буквы и письма – не что иное, как символы, помогающие разуму в познании; действительно, взятые материально, они не могут определить никакую другую идею, кроме как посредством отдельных материальных знаков – букв или слов... но истины, скрытые под этими знаками, определяются не ими, а интеллектом посредством рассуждений и доказательств»² [3, р. 95]. Для И. Канта же, по мысли Дж. Анджолини, эти истины имеют эмпири-

ческий характер [3, р. 95]. Такую позицию полоцкий академик использовал для доказательства ошибочности линии рассуждения немецкого философа.

Важным элементом схоластической традиции, который косвенно затрагивал в своей философской системе И. Кант, является понятие «самоочевидные истины». К ним религиозные философы относили, например, существование Бога, ссылаясь на тот факт, что, независимо от места происхождения и религиозной принадлежности, оно свойственно всем людям. В начале XIX в. концепт самоочевидных истин разрабатывался как в рамках схоластической традиции, так в рамках шотландской школы здравого смысла. И. Кант, как известно, в пролегоменах отрицательно отзывался о основополагающих идеях этой школы, что отметил в своей работе Дж. Анджолини. Уход немецкого мыслителя от интеллектуальной интуиции полоцкий академик оценил отрицательно [3, р. 101]. Однако данной оценки было мало для оправдания одного из ключевых понятий схоластической метафизики. Поэтому Дж. Анджолини посвятил рассмотрению указанной проблемы в творчестве И. Канта отдельное возражение, в котором он исследовал варианты ответа на возможные аргументы против такой позиции немецкого мыслителя [3, р. 102–104]. Оно еще не являлось объектом научного анализа и требует дальнейшего рассмотрения со стороны историков философии.

Таким образом, Дж. Анджолини не ставил себе цели переосмыслить идеи И. Канта и понять, каким образом их можно использовать для обновления схоластической философии. Главной целью его обращения к идеям трансцендентального идеализма в рамках читаемого курса было привитие отрицательного отношения к философии И. Канта как к не имеющей никакой пользы для разума и морального совершенствования человека.

В отличие от Дж. Анджолини В. Бучинский более широко осмыслил кантовское наследие и критиковал его в двух аспектах: с собственно философских позиций (в труде «Философские наставления»), а также с теологических позиций (в работе «Основания религиозного учения, в котором философские принципы применяются к истине религии»). Упомянув последнюю работу, следует отметить, что В. Бучинский стремился восстановить утраченный в философских «войнах» эпохи Просвещения союз философии и религии. Он рассматривал И. Канта как фигуру противоречивую, склонную к скептицизму и ложному мудрствованию (филомании), мешающую достижению обозначенной благой цели [7, р. II].

В. Бучинский четко осознавал влияние идей И. Канта на философию того времени. Полоцкий автор отмечал, что именно немецкий мыслитель стоит у истоков современной философии, определяя систему

²Здесь и далее перевод наш. – А. К.

философии И. Канта как начало нового этапа в ее развитии [4, p. 21–22].

Главным фактором, не позволяющим В. Бучинскому смириться с учением И. Канта, является трактовка немецким философом метафизики: И. Кант отрицал существование метафизики как самостоятельной науки.

Проблемное поле, связанное с творчеством И. Канта, в работах В. Бучинского достаточно богатое: понятие *a priori*, являющееся для полоцкого мыслителя неубедительным и антирациональным [4, p. 78]; объективные заблуждения при исследовании философами концепта важной для схоластической традиции внутренней истины, где трансцендентальная система И. Канта поставлена в один ряд с пантеизмом Б. Спинозы и теодицеей Г. В. Лейбница [4, p. 97]; вопрос определения самопознания мыслящего субъекта [4, p. 115], в котором И. Кант рассматривается как крайний сторонник скептицизма.

Особенно острые противоречия возникали между философскими взглядами В. Бучинского и И. Канта в аспекте осмысления классических для схоластики метафизических проблем. Этому аспекту были посвящены целые параграфы и приложения во втором томе труда «Философские наставления», в которых разбираются идеи И. Канта в целях их дальнейшего преодоления. В первую очередь В. Бучинский критиковал понимание метафизики И. Канта в рамках системы трансцендентального идеализма. По его мнению, использование чистых априорных форм ведет к рациональному скептицизму [6, p. 5].

В контексте кантовского учения проблематизируется и основополагающее для схоластической философии понятие «субстанция». В. Бучинский трактовал его в духе Нового времени с характерными для этого феномена качествами неизменности, самодостаточности, простоты, независимости и основы бытия для другого [5, p. 210]. Такой подход был обусловлен необходимостью поиска ответа на вновь вставший перед схоластической философией вопрос о том, каким образом появляется нечто, отличное от первого, но в то же время фундированное им. Именно поэтому полоцкий профессор отметил, что субстанция есть «то, что существует в себе, в другом, но в этом другом она не нуждается; это качество, которое присуще другому как субъекту» [5, p. 30]. Кроме того, В. Бучинский стремился сразу установить различие между кантовским пониманием понятия «субстанция» и своим, которое он предложил читателю [5, p. 148], отмечая, что это понятие создается разумом субъекта, но никак не является ему даным в сознании *a priori*. Таким образом, в этом утверждении можно проследить зачатки активно-деятельностного подхода к проблеме познания.

При рассмотрении метафизической проблематики В. Бучинский выступил против кантовского понятия «причинность». По мнению профессора,

определение этого феномена И. Канта равноценно толкованию Д. Юма, поскольку оба философа доказывают, что причинность есть нечто, что мы производим путем выводим на основе опыта [5, p. 36]. Полоцкий философ также критиковал концепцию пространства и времени, сущность которых выводил из чувственного опыта [5, p. 46].

В. Бучинский подробно анализировал кантовское учение об антиномиях. Для борьбы с ним он прибегнул к концепту здравого смысла, отмечая, что тот, кто действительно пользуется собственным разумом, никогда не столкнется с такого рода трудностями [5, p. 149]. Система антиномий, предложенная И. Кантом, для полоцкого автора является софистикой, поскольку в рамках схоластической традиции логическим путем было доказано начало существования мира во времени, наличие во всяком сложном бытии простого, наличие необходимой причины для существования всего сущего и наличие необходимо существующего бытия. С точки зрения В. Бучинского, эти идеи невозможно проверить опытным путем. Если рассматриваемые положения доказаны в рамках логических схем, они истинны. Одновременно этот панлогизм мешает полоцкому профессору по достоинству оценить ту угрозу, которую несли идеи И. Канта традиционной метафизической системе.

Большое внимание В. Бучинский уделял и проблеме априорных синтетических суждений, невозможность существования которых в рамках метафизики разрушает ее основания, отказывая в возможности претендовать на роль подлинной науки. В. Бучинский, сформировавшийся как мыслитель в классической позиции аристотелевского томизма, пытался не просто опровергнуть сам факт существования таких суждений, а восстановить классическую схоластическую метафизику.

Первым пунктом в полемике между В. Бучинским и И. Кантом является определение понятия «априорность». В современной истории философии исследователи выделяют как минимум четыре варианта понимания этого слова: врожденное знание; знание, от которого зависит любой опыт; знание, которое ничего не предписывает опыту; фоновые биологические или социальные установки [11, с. 4–6]. В. Бучинский понимал априорное знание как врожденное. В этом вопросе он разделял позицию Платона и Декарта. Следует отметить, что схоластические курсы по философии опираются на понятие «предустановленная истина». В работах полоцкого автора оно встречается в том смысле, который имеет термин «врожденное знание», т. е. как некоторый класс идей, присущих нам до опытного знания (например, идеи Бога или собственного Я). Недаром В. Бучинский, обращаясь к немецкой классической философии, подчеркивал, что его Я мыслится совсем другим образом, нежели Я И. Канта или И. Г. Фихте. В этом плане профессор солидарен с Декартом

в отношении самосознания: «Смешно и противоречиво утверждать, что действительность нашего существования познается нами посредством рассуждения... Не может быть никакого знания о каком-либо действии, кроме как у того, кто существует и сознает свое собственное существование... И. Кант же утверждает простое понятие Я (курсив наш. – А. К.), совершенно лишенное собственного содержания, о котором нельзя даже сказать, что оно сопутствует всем понятиям. И. Г. Фихте тоже согласен с этим философом вместе со всеми его последователями» [4, р. 115–116].

Таким образом, несмотря на определенную общность с немецким философом в трактовке врожденных идей и априорных форм, В. Бучинский мыслил в другом направлении. Если И. Кант утверждал, что понятия «Бог» и «душа» относятся к идеям разума и что точно о них сказать ничего нельзя, то для полоцкого автора обозначенные понятия являются установленными свыше истинами.

Ввиду специфического понимания априорного В. Бучинский давал определение синтетическим и аналитическим суждениям. В отношении априорных синтетических суждений он применял тот же прием, который И. Кант использовал для категорий разума. Априорные синтетические суждения не являются частью человеческого опыта, поскольку ни один человек не в состоянии привести пример таких суждений. Под ними ошибочно понимаются аналитические суждения, которые, вопреки точке зрения И. Канта, могут обеспечить прирост человеческого знания [5, р. 60].

В схоластической традиции через призму необходимого либо контингентного соотношения между субъектом и предикатом выделяют аналитические априорные и синтетические апостериорные суждения. Необходимое суждение будет аналитическим априорным, тогда как контингентное – синтетическим апостериорным. И. Кант предлагал изменить эту схему и использовать априорные синтетические и априорные аналитические суждения, что вызвало критику со стороны В. Бучинского как представителя схоластического направления. Он не мог рассматривать такое предложение в качестве нового шага в исследовании гносеологической проблематики, поскольку это выглядело попыткой разрушить внутреннюю логику системы схоластической философии.

В. Бучинский одним из первых осуществил критику аналитических и синтетических суждений И. Канта, развернувшуюся затем в творчестве более поздних известных представителей направления неосхоластической философии, среди которых можно отметить Ж. Марешаля и М. Мерсье. В. Бучинский писал, что «суждения, которые предлагает И. Кант как априорные синтетические, действительно аналитичны, или, если они синтетические, то они и есть... апостериорные; но такие синтетические суждения, которые

он называет априорными суждениями, абсолютно невозможны по природе нашего ума» [5, р. 61].

Представители схоластической традиции, которые сформулировали законы познания, находящиеся вне чувственной природы человека, довольно часто обращались к понятию «врожденное знание» (предустановленная истина, или истина откровения). Одновременно человеческое познание являлось для них синтезом чувственного и рационального. Эти два тезиса В. Бучинский и использовал против априорных синтетических суждений И. Канта [5, р. 61]. Основанием для возможности такого рода рефлексии у полоцкого профессора выступила предельная рациональность окружающего мира, которую возможно познать благодаря наличию уже рассмотренных выше всеобщих причинно-следственных связей [5, р. 38].

В. Бучинский не был согласен с ролью, которую И. Кант отводил аналитическим суждениям, поскольку немецкий мыслитель оставлял за ними лишь функцию объяснения. В. Бучинский же указывал на появление нового знания как итога рассуждения [5, р. 63]. Прийти к такому выводу ему позволил лежащий в основании схоластической метафизики принцип специфического рассмотрения генезиса спекулятивного знания. Полоцкий автор, исследуя рациональные истины, отмечал, что «спекулятивные знания такого рода обладают способностью производить из себя другие такие же спекулятивные знания и в этой мере могут постепенно расширять сферу наших знаний» [5, р. 8]. Эта классическая схоластическая установка применялась авторами повсеместно для обоснования связи составного и случайного бытия с простым и необходимым, принципа творения *ex nihilo*, проблемы начала существования всех случайных вещей и прочих вопросов, составлявших базу данного типа религиозной философии. Принцип достаточного основания помогал схоластическим философам избегать обвинения в том, что такие сущности не обладают реальным бытием. Например, В. Бучинский, предвосхищая упреки, отмечал: «Но хорошо заметить, что чисто спекулятивные знания сами по себе не могут ничего нам рассказать: ни о реальных свойствах существ, ни о самом их существовании, если только такие спекуляции сами не докажут необходимость бытия их реального предмета». Необходимость бытия предмета в данном случае также доказывается спекулятивным путем [5, р. 9].

Поскольку аналитические суждения устанавливают истину только путем логического анализа без обращения к аспектам, существующим помимо логики, В. Бучинский был прав в своих философских изысканиях только частично и утверждал как раз то, что критиковал И. Кант в работе «Критика чистого разума», анализируя высказывания подобного рода: «В самом деле, если вы называете всякое полагание (независимо от того, что вы полагаете)

реальностью, то вы уже в понятии субъекта полагали вещь со всеми ее предикатами, принимая ее как действительную, и в предикате только повторяете это» [12, с. 521]. Такой подход свидетельствует о приверженности полоцкого профессора рассмотрению априорных аналитических суждений как истин разума, понимаемых в рамках философии Г. В. Лейбница.

В. Бучинский также осознавал недостаточность рассматриваемого принципа, поскольку в процессе дальнейшего размышления актуальным становится вопрос о том, как быть с теми суждениями, в которых предикат не содержится явно или скрыт в самом субъекте. Для решения этой проблемы профессор предложил прибегнуть к опыту либо имеющемуся авторитету (человеческому или божественному): «Мы должны иметь основание либо в опыте, либо в авторитете, отчего мы привязываем его к предмету... таким образом, здесь формируем синтетическое суждение: суждение “солнце каждый день восходит и заходит” основано на опыте... суждение “Гай Цезарь был убит в сенате” подкрепляется человеческим авторитетом... суждение “Сын Божий принял человеческую природу” исходит от божественной власти» [5, р. 64]. Но в этом случае невозможно говорить об априорности суждений, что и подчеркивал В. Бучинский. Они, если следовать логике полоцкого мыслителя, могут быть только апостериорными синтетическими.

Доказав в рамках присущей ему философской позиции невозможность существования априорных синтетических суждений, В. Бучинский был вынужден обратиться к источнику их происхождения (по Канту) – априорным формам рассудка. Здесь он использовал тезис, развитый в схоластической традиции в рамках умеренного реализма о необходимости

сти наличия содержания для каждого понятия. Таким образом, «пустые» априорные формы рассудка, существующие до всякого опыта, будут лишь словами, ничему не соответствующими в объективной реальности. Следует отметить, что этот аргумент не выдвинул В. Бучинский лично: он был широко распространен среди критиков-католиков трансцендентального метода И. Канта [13–15].

В. Бучинский настаивал на том, что понятия, которые И. Кант рассматривал в рамках четырех классов своих категорий, не могут существовать в качестве присущих человеческому рассудку изначально по следующей причине: они являются продуктом человеческого размышления, знание о них формируется благодаря определенным логическим операциям. Профессор утверждал: «Несомненно, что идеи такого рода, так как они обнаруживают общие определения отвлеченных от них предметов, суть характеристики самих вещей, и поэтому ум не производит их из себя, а обнаруживает их в объектах»; «Конечно, все эти идеи вытекают из какого-то способа чувства, образуются деятельностью ума и возводятся до всеобщности и необходимости» [5, р. 66].

В своих работах В. Бучинский обращался к каждой из кантовских категорий, отмечая, что понятие «количества» у человека формируется либо благодаря опыту, либо благодаря дедукции, равно как и понятие «качества»; понятие «отношение» апостериорно и рождается из связи субстанции и модуса, а понятие «существование» может быть выведено только при наличии объекта, поэтому и является апостериорным и т. д. Таким образом полоцкий философ «препарировал» каждую категорию, заставляя читателя вслед за автором отнести к сфере опыта или определить ее как выведенную логическим путем.

Заключение

Критика идей И. Канта в творчестве представителей полоцкой неосхоластики играет важную роль. Можно утверждать, что идеи немецкого мыслителя, имевшие отрицательную оценку в творчестве полоцких авторов, способствовали более глубокой самоидентификации схоластической философии, обнажив те проблемы, которые были свойственны ей в целом. Пытаясь ответить на эти вызовы, представители полоцкой неосхоластики интенсивно искали ответы на возникшие вопросы, усилив потенциал этого направления. Дж. Анджелини и В. Бучинский обратились к комплексу идей И. Канта и разными путями пытались бороться с его программными установками. Для Дж. Анджелини это был путь риторики, на котором читатель встретит лишь немного действительно философских сюжетов, сосредоточенных в основном вокруг проблем трансцендентальных и математических истин, а также вокруг

понятия здравого смысла. Такая позиция была характерна для первых попыток борьбы с философией трансцендентального идеализма на ранних порах ее существования, однако со временем философы-схоласты осознали ее бесплодность. Единственной возможностью преодолеть вызовы философии И. Канта была попытка начать с ней диалог, что обнаруживается в творчестве В. Бучинского. Эта заочная полемика проходит практически через все работы полоцкого профессора, значительно обогащая его творчество. В. Бучинский, пользуясь многовековым опытом схоластической философии, легко сразил своего немецкого соперника. Проблема заключается в том, что в процессе полемики В. Бучинский использовал идеи, которые критиковал И. Кант. Таким образом, опровержение идей немецкого мыслителя остается для полоцких авторов открытым вопросом.

Необходимо также отметить большую роль критики идей И. Канта в творчестве представителей Полоцкой иезуитской академии для всего историко-культурного пространства Беларуси XIX в., что стало одной из первых попыток обращения к идеям И. Канта в истории религиозного направления фи-

лософской и социально-политической мысли Беларуси этого периода. Полоцкие авторы предложили собственные ответы на поставленные немецким философом вопросы, что обусловило дальнейший поиск вариантов рецепции кантовского наследия в европейском философском проблемном поле.

Библиографические ссылки

1. Легчилин АА. Немецкая философия в интеллектуальной культуре Северо-Западного края Российской империи: историографический обзор. В: Белорусский государственный университет. *Национальные культуры в межкультурной коммуникации (новая парадигма охраны культурного и природного наследия). Материалы IV Международной научно-практической конференции; 11–12 апреля 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Колорград; 2019. с. 43–50.
2. Климович АИ. Анджолини vs Кант: к философскому наследию Полоцкой иезуитской академии. *Кантовский сборник*. 2023;42(1):107–131. EDN: TJRQHO. DOI: 10.5922/0207-6918-2023-1-6.
3. Angiolini J. *Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis*. Polack: Typis Academicis; 1819. 310 p.
4. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam intrudictione*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1843. 159 p.
5. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 302 p.
6. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 206 p.
7. Buczyński W. *Instutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritatem religionis applicantur*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1842. 300 p.
8. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1(1):70–75.
9. Инглот М. *Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена в мире*. Коваль А, переводчик. Москва: Институт Святого Фомы; 2004. 632 с.
10. Bieś AP, Chrost M, Topij-Stempińska B, redaktorzy. *Pamięć historia polityka*. Krakow: Akademia Ignatium Wydawnictwo WAM; 2012. 548 s.
11. Чугайнова ЮИ, Логинов ЕВ, Воронин АА, Басов АС, Бурмина КВ, Юнусов АТ и др. Прологомены ко всякому знанию, могущему называться априорным. *Финиковый компот*. 2016;11:3–14. EDN: GGHNEO.
12. Кант И. *Сочинения. Том 3*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1965. 799 с.
13. Zallinger JA. *Disquisitiones philosophiae Kantiana*. Wien: Augustae Vindelicorum; 1799. 432 p.
14. Tittel GA. *Kantische Denkformen oder Kategorien*. Frankfurt: Gebhard; 1787. 111 p.
15. Miotti P. *Ueber die Gottlosigkeit und Falschheit des Kantischen Systems*. Augsburg: [s. n.]; 1802. 120 p.

References

1. Liahchylin AA. [German philosophy in the intellectual culture of the North-Western region of the Russian Empire: a historiographical review]. In: Belarusian State University. *Natsional'nye kul'tury v mezhkul'turnoi kommunikatsii (novaya paradigma okhrany kul'turnogo i prirodnogo naslediya). Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 11–12 aprelya 2019 g.; Minsk, Belarus* [National cultures in intercultural communication (new paradigm for the protection of cultural and natural heritage). Proceedings of the 4th International scientific and practical conference; 2019 April 11–12; Minsk, Belarus]. Minsk: Kolorgrad; 2019. p. 43–50. Russian.
2. Klimovich AI. Angiolini vs Kant: philosophical endeavour at the Polotsk Jesuit Academy. *Kantian Journal*. 2023;42(1): 107–131. Russian. EDN: TJRQHO. DOI: 10.5922/0207-6918-2023-1-6.
3. Angiolini J. *Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis*. Polack: Typis Academicis; 1819. 310 p.
4. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam intruditione*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1843. 159 p.
5. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 302 p.
6. Buczyński W. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1844. 206 p.
7. Buczyński W. *Instutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritatem religionis applicantur*. Viennae: Typis congregationis mechtaristicae; 1842. 300 p.
8. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1(1):70–75.
9. Inglot M. *Obshchestvo Iisusa v Rossiiskoi Imperii (1772–1820) i ego rol' v povsemestnom vosstanovlenii Ordena v mire* [The society of Jesus in the Russian Empire (1772–1820) and its role in the widespread restoration of the Order in the world]. Koval' A, translator. Moscow: Institut Svyatogo Fomy; 2004. 632 p. Russian.
10. Bieś AP, Chrost M, Topij-Stempińska B, redaktorzy. *Pamięć historia polityka*. Krakow: Akademia Ignatium Wydawnictwo WAM; 2012. 548 s.
11. Chugainova JuI, Loginov EV, Voronin AA, Basov AS, Burmina KV, Iunusov AT, et al. Prolegomena to any knowledge that will be able to present itself as a priori. *Date Palm Compote*. 2016;11:3–14. Russian. EDN: GGHNEO.
12. Kant I. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1965. 799 p. Russian.

13. Zallinger JA. *Disquisitiones philosophiae Kantiana*. Wien: Augustae Vindelicorum; 1799. 432 p.
14. Tittel GA. *Kantische Denkformen oder Kategorien*. Frankfurt: Gebhard; 1787. 111 p.
15. Miotti P. *Ueber die Gottlosigkeit und Falschheit des Kantischen Systems*. Augsburg; [s. n.]; 1802. 120 p.

Статья поступила в редколлегию 20.01.2024.
Received by editorial board 20.01.2024.